

С. А. Громыко

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия

ORCID ID: 0000-0002-4256-9815 E-mail: ling2007@yandex.ru.

«Слеза ребенка» в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале выступлений русских националистов)

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется использование образа-символа ребенка в русской парламентской коммуникации начала XX века (на материале стенограмм заседаний Третьей и Четвертой Государственной думы). Предлагается оригинальная методика анализа функционирования данного образа-символа в аспекте персуазивности. Вводится понятие персуазивного комплекса (совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом), обосновывается его трехуровневая структура. Эксплуатация образа-символа ребенка была характерной чертой русской националистической риторики, о чем свидетельствуют количественные и качественные показатели. В целом образ ребенка носил виктимный характер, а физическое и моральное насилие над ребенком было семантической доминантой персуазивного комплекса. На инструментальном уровне образ ребенка использовался чаще всего в качестве специфического примера с характеристиками литоты / гиперболы, реже — как метафора или сравнение. На операциональном уровне образ-символ ребенка использовался для реализации коммуникативных стратегий подчинения, защиты и дискредитации. Однако в конце 1911 — начале 1912 года в выступлениях русских националистов наблюдается переломный момент: ребенок из примера и метафоры переходит в мобилизующий символ. В речах остается только один ребенок — Андрей Ющинский, образ которого сакрализуется, приобретая черты православного мученика. Делается вывод о богатстве и динамичности персуазивного комплекса «РЕБЕНОК» в институциональном националистическом дискурсе начала XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: персуазивность; персуазивный комплекс; русский национализм; ребенок; образы-символы; парламентская риторика; парламентаризм; парламентский дискурс; русский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Громыко Сергей Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации, Вологодский государственный университет; 160000, Россия, Вологда, пр-т Победы, д. 37, каб. 69; e-mail: ling2007@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Громыко, С. А. «Слеза ребенка» в русском парламентском дискурсе начала XX века (на материале выступлений русских националистов) / С. А. Громыко // Политическая лингвистика. — 2021. — № 3 (87). — С. 145-155. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_14.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00111 «Русский национализм в лингвоюридическом аспекте: прагматика, динамика, экспертиза».

В современной лингвистике и теории коммуникации парламентский дискурс чаще всего понимается как особая разновидность институционального политического дискурса, основными чертами которой являются агональность, интеракциональность, регламентированность, специфическая интенциональная основа, направленная на пропаганду, эмоциональное воздействие, побуждение к политическим поступкам, наличие особых жанров высказывания [Алферов 2014: 24—27; Громыко 2011: 84; Дулесов 2020: 42; Парламентский дискурс 2020: 16—17 и др.]. Исследователи политического дискурса в процессе решения спорного вопроса о его границах признают, что парламентская коммуникация относится к ядерной части политического дискурса, а жанры парламентской речи являются прототипными [Шейгал 2000: 26; Дулесов 2020: 4]. Обращает на себя внимание и такая особен-

ность парламентского дискурса, как персуазивность.

Под персуазивной коммуникацией понимается «особая форма ментально-речевой деятельности коммуникантов, реализующая попытку воздействия адресанта на реципиента с целью добиться от него принятия решения о необходимости, желательности либо возможности совершения / отказа от совершения определенного посткоммуникативного действия в интересах адресанта» [Голоднов 2003: 8]. При этом единицей персуазивной коммуникации является речевой макроакт персуазивности, а персуазивный текст — это текст, доминирующей коммуникативной функцией которого является воздействие на ментальную сферу реципиента с целью изменения его поведения. Продуцируя текст, адресант персуазивной коммуникации осуществляет выбор и комбинирование тематических ситуаций, речевых актов и

языковых средств в соответствии с коммуникативной стратегией персуазивности, которая может быть общей (доминирующая функциональная характеристика персуазивного дискурса, его главная концептуально-тематическая установка с ориентацией на перлокутивный эффект, к достижению которого стремится адресант) и частной (вариант реализации глобальной интенции в виде элементов содержания, включенных в пропозициональную структуру текста) [Голоднов 2003: 5—10].

Персуазивный характер парламентского дискурса требует особого комментария, так как само понятие «персуазивность» в исследованиях применяется чаще всего к рекламному дискурсу либо политическому дискурсу в целом. С позиций когнитивной лингвистики рассмотрение парламентского дискурса как персуазивного произведено в работе Л. В. Правиковой, которая определяет парламентский дискурс как «персуазивный дискурс, целью продуцента которого является конструирование особого семантического мира, изменение когнитивных установок оппонента, склонение его к той или иной точке зрения по политическому вопросу и в конечном счете убеждение его принять то или иное решение тем или иным образом» [Правикова 2018: 360]. При этом в работе используется широкий подход к понятию «персуазивность», так как категории «убеждение» и «воздействие», значимые для теории коммуникации и риторики, четко не разделяются, а аргументация признается «одной из форм персуазивного дискурса, в котором выдвигается и поддерживается то или иное положение и через логическое рассуждение приводится доказательство» [Правикова 2018: 361].

Исходя из перечисленных выше характеристик парламентской коммуникации, можно сказать, что персуазивность — имманентная характеристика парламентского дискурса, однако конкретные ее проявления крайне разнообразны, а удельный вес по отношению к другим коммуникативным стратегиям может меняться в зависимости от жанра текста и условий его производства. В процессе анализа персуазивности парламентского дискурса с позиции теории коммуникации следует учитывать сложный, сетевой характер общения в парламенте. Например, адресат депутатской речи в прениях чаще всего имеет уровневую структуру:

- 1) непосредственно депутаты-оппоненты;
- 2) фракция-оппонент;
- 3) фракция, интересы которой представляет депутат;
- 4) представители исполнительной власти, присутствующие на заседании;

- 5) средства массовой информации;
- 6) избиратели, представители общественности и иные лица, не участвующие непосредственно в парламентских действиях.

В современных парламентах особое внимание агенты дискурса вынуждены уделять последним двум группам адресатов, так как именно средства массовой информации в обработанном виде ретранслируют дискурс, формируя тем самым обратную связь для актантов коммуникации. В зависимости от доминирования в выступлении депутата того или иного адресата общие стратегии будут различными, поскольку, например, рабочие моменты обсуждения поправок к законопроекту во втором чтении требуют в большей степени рационального убеждения оппонентов, а протест против внесения одиозного законопроекта социальной направленности — игры на публику, воздействия на эмоционально-волевою сферу оппонентов, СМИ и зрителей.

Жанровая система парламентского дискурса также демонстрирует неоднородность его персуазивного потенциала. Такие жанры текстов, как доклад, депутатский запрос, выступление члена правительства на правительственном часе являются информирующими, общая коммуникативная стратегия информирования доминирует над стратегией персуазивности либо вытесняет ее вообще. Как показывает анализ текстов этих жанров, большую роль в их прагматической организации играют статистика, логические операции анализа и синтеза, экспертные мнения, обобщения.

Ядром парламентской персуазивности необходимо признать жанры выступления в прениях и реплику. Речи в прениях, как правило, в большой степени агонистичны, эмоциональны, они содержат как рациональную аргументацию, так и эмоциональное воздействие на адресата. При этом стенограммы фиксируют в этих выступлениях большое количество фактов «жесткого» воздействия: речевую агрессию, угрозы, дискредитацию, манипуляцию.

Инструменты персуазивности многообразны и разнородны. В этом аспекте стратегия персуазивности рассматривается как система осуществляемых адресантом операций выбора и комбинирования, тематического оформления и текстового кодирования коммуникативных действий. Эти операции определяются как персуазивные техники, а средства различных языковых уровней, эксплицирующие в конкретном тексте персуазивные техники, — языковые маркеры персуазивности [Голоднов 2003: 5]. В парламентском дискурсе персуазивные техники

могут быть политически и социально маркированы: например, левые фракции могут предпочитать одни техники, а правые — совершенно другие, что является результатом борьбы за символическое «присваивание» реальности, выстраивание своего узнаваемого стиля речевого и политического поведения. В то же время одни и те же техники представителями различных политических сил в процессе дискуссии могут быть использованы с разными коммуникативными целями в зависимости от взаимоотношений с доминирующим адресатом. Сложность и функциональное многообразие персуазивных средств в парламентском дискурсе заставляет по-новому подходить к их анализу в рамках конкретного парламентского дискурса, например думского дореволюционного или современного российского.

Если рассматривать конкретный парламентский дискурс диахронически, то можно заметить его дискретный характер. Так, отечественный парламентский дискурс в этом аспекте четко делится на дореволюционный начала XX века и современный, между которыми перерыв в 75 лет. Дореволюционный, в свою очередь, делится на четыре созыва Государственной думы. Хронологическая дискретность существования дискурса порождает существенные изменения в его содержании: меняются политические и юридические контексты, сами агенты (депутаты, фракции, члены правительства), взаимоотношения между ними, темы прений. Наблюдаются изменения и в использовании персуазивных техник и конкретных средств персуазивности. Их исследование в рамках отдельно взятого созыва парламента позволяет существенно ограничить область научного наблюдения и ответить на ряд вопросов: какие средства персуазивности доминируют на данном этапе развития парламента? Как выбор тех или иных техник коррелирует с политическим раскладом в парламенте? Какие инструменты представляются агентам дискурса на данном этапе его развития эффективными для убеждения / воздействия?

В качестве инструмента исследования персуазивности парламентского дискурса мы предлагаем использовать такую категорию, как персуазивный комплекс.

Под персуазивным комплексом мы понимаем совокупность инструментов и способов реализации персуазивности, сформировавшихся в отдельно взятом дискурсе и объединенных семантической единицей — образом или символом. Это когнитивно-коммуникативная категория, которая отражает актуальное для данного дискурса представление о степени убедительности

различных способов предьявления востребованных образов. Введение данной дефиниции обусловлено тем, что в персуазивных дискурсах, особенно агональных и полемичных, можно заметить использование их агентами набора образов-символов, с высокой частотностью предьявляющихся в различных коммуникативных ситуациях с различными целями. Их можно назвать своеобразным мотивом — устойчивой повторяющейся структурно-смысловой единицей дискурса. Однако разные агенты дискурса используют эти образы-символы по-разному, конструируя отличающиеся друг от друга персуазивные техники.

Проанализируем структуру и функционирование персуазивного комплекса «РЕ-БЕНОК» в дореволюционной Государственной думе. Выбор в качестве объекта анализа именно этого персуазива обусловлен рядом причин. Во-первых, символы и образы детства в политической коммуникации еще не стали предметом серьезного внимания исследователей [Рябова, Рябов 2019: 418]. Во-вторых, символы детства понятны и обладают высокой значимостью: апеллируют к личному опыту индивида и воспринимаются с повышенной эмоциональностью. Как следствие — играют важнейшую роль в процессах мобилизации [Рябова, Рябов 2019: 420—421]. В-третьих, обращает на себя внимание даже в первом приближении обилие образов-символов детства в русском парламентском дискурсе начала XX века и практически полное их отсутствие (за исключением тематических прений, посвященных проблемам образования, материнства и детства и т. п.) в современном. Более того, использование образа-символа ребенка неравномерно и в самих думских дискурсах: если в Первой и Второй думах упоминания детей достаточно редки и о регулярном персуазивном комплексе говорить достаточно сложно, то в Третьей думе образ-символ ребенка является ключевым средством речевого воздействия, а в Четвертой думе частотность его использования несколько снижается.

Связано это в первую очередь с двумя факторами. Как уже было сказано, образ-символ ребенка в политической коммуникации обладает высочайшим мобилизационным потенциалом, который незамедлительно стали использовать радикальные националистические силы — черносотенцы и Польское коло. Их пикировка, которая привела к рождению первого в истории России публичного и легитимного кросснационалистического дискурса, подробно проанализирована в статье [Громыко 2020]. В этом плане усиление влияния русских националистов

именно в Третьей думе и появление ораторов-ястребов (Маркова, Пуришкевича) — важная причина роста частотности образов детства. С другой стороны, умеренные политические силы вынуждены были в ответ на агрессивное речевое поведение крайне правых принимать эту риторико-прагматическую повестку и индуцировать свои образы-символы, также связанные с детством. Вторая причина формирования и бурного развития прагматического комплекса «РЕБЕНОК» — дело Бейлиса, которое правые радикалы пытались использовать для сверхмобилизации русского населения и которое оказало огромное влияние на риторику и прагматику русского политического дискурса в целом.

В качестве материала для исследования использовались стенографические отчеты заседаний Третьей и Четвертой Государственной думы. Осуществлялась сплошная выборка лексем «ребенок», «дети», «дитя», «мальчик», «девочка» из стенографических отчетов за четыре периода (в соответствии с изданиями): 17 января — 5 марта 1911 года (период I), 7 марта — 13 мая 1911 года (период II), 30 апреля — 9 июня 1912 года (период III), 15 ноября 1912 года — 20 марта 1913 года (период IV). Результаты выборки представлены в таблице.

Таблица

Лексема	Период			
	I	II	III	IV
«ребенок»	11	6	7	12
«дети (детишки)»	53	28	36	3
«дитя»	5	6	0	0
«мальчик»	6	8	4	31
«девочка»	4	6	2	6
всего	79	54	49	52

Результаты периода I серьезно отличаются, так как в этот исследуемый промежуток в прениях имела место собственно «детская» тематика — доклад комиссии по народному образованию и интенсивное его обсуждение. Показателем здесь является увеличенная практически в два раза частотность употребления наиболее нейтрального слова «дети». Также следует обратить внимание на статистику периода IV, который показывает резкий рост словоупотреблений «мальчик» и резкое падение словоупотреблений «дети». Дело в том, что на этот период приходится заседания Четвертой думы, совпавшие по времени с окончанием расследования и передачей в суд дела Бейлиса. Правые радикалы активно внедряли в повестку работы парламента дело Бейлиса, а в свои речи — образ русского мальчика,

зверски убитого евреями. Появление в думской дискуссии этого образа сакральной жертвы можно рассматривать как своеобразный водораздел в использовании образа-символа ребенка в русском политическом дискурсе.

На следующем этапе уточнялось лексическое значение слов, анализировался контекст словоупотребления, устанавливалась пропозиция высказывания, в состав которой входила лексема. Так, было исключено из исследуемого материала слово «дети» со значением «люди, тесно, кровно связанные с кем-либо, усвоившие характерные черты породившей их среды», так как оно в совокупности с контекстом не несет важного для исследования значения малолетства. В то же время было решено оставить в корпусе материалов слово «ребенок» в значении «наивный, неопытный человек», так как значение малолетства остается выраженным метафорически.

I. Рассмотрим **семантический уровень** данного персуазивного комплекса. С точки зрения общей семантики и пропозиции высказывания можно выделить следующие группы сообщений, связанных с лексемами «ребенок», «дети», «дитя», «мальчик», «девочка».

1. Ребенок / дети являются жертвой:

1.1. государства:

1.1.1. еврейские дети,

1.1.2. русские дети,

1.1.3. польские дети;

1.2. Министерства народного просвещения:

1.2.1. ограничения свободы мысли ребенка,

1.2.2. карательного характера системы образования,

1.2.3. беспорядка в системе образования;

1.3. родителей-алкоголиков;

1.4. оппозиционной пропаганды;

1.5. еврейской пропаганды;

1.6. польских националистов:

1.6.1. русские дети,

1.6.2. белорусские дети;

1.7. русских националистов:

1.7.1. польские дети,

1.7.2. белорусские дети.

2. Ребенок (мальчик) покончил жизнь самоубийством:

2.1. в результате полицейского произвола;

2.2. по вине министерства народного просвещения.

3. Русский православный мальчик (Андрей Ющинский) был зверски убит:

3.1. евреями;

3.2. преступниками;

3.3. в рамках ритуала.

4. Мальчики подвергаются репрессиям со стороны государства:

- 4.1. обыску;
- 4.2. аресту;
- 4.3. выселению;
- 4.4. ограничению свободы мысли.

5. Девочки ведут себя аморально вследствие ненадлежащего воспитания.

6. Дети совершают негативные поступки:

- 6.1. крадут;
- 6.2. пьют водку;
- 6.3. проявляют жестокость;
- 6.4. хулиганят;
- 6.5. ведут себя капризно;
- 6.6. убивают.

7. Дети участвуют в революционной деятельности:

7.1. это является органичным следствием социально-политической ситуации,

7.2. это ненормально и должно быть пресечено.

8. У детей должен быть доступ к образованию.

9. Детей нельзя наказывать за нарушения закона.

10. Дети отличаются от взрослых незрелостью:

- 10.1. простодушием;
- 10.2. глупостью.

11. Те, кого называют детьми, не являются детьми.

II. Инструментальный уровень представляет собой инвентарь всех элементарных средств речевого воздействия. Ядром данного уровня персуазивного комплекса «РЕБЕНОК» является пример. Образ-символ ребенка / детей в парламентской дискуссии чаще всего использовался как наглядный довод из современной оратору действительности, подтверждающий его мысль. Такие примеры приводились и как наведение, и как свидетельство, с точки зрения классической риторики: «Примерами следует пользоваться в том случае, когда не имеешь энтимем для доказательства... когда же энтимемы есть, то примерами следует пользоваться, как свидетельствами, помещая их вслед за энтимемами в виде эпилога. Если их поставить в начале, то они походят на наведение, а риторическим речам наведение не свойственно, за исключением немногих случаев; когда же они помещены в конце, они походят на свидетельства, а свидетель всегда возбуждает доверие» [Аристотель 1978: 105]. Использование образа ребенка в качестве примера занимает более 70 % всех исследованных случаев. Депутаты приводили в качестве примера образы детей как из реальной жизни, так и из истории и литературы.

Очевидно, что примеры, особенно в функции наведения, служат не только логическим средством доказывания. Примеры анализируемого комплекса чаще всего эмоциональны, имеют ярко выраженную пафосную составляющую и в ряде случаев основаны на литоте и/или гиперболе. Типичным здесь является тиражировавшийся депутатами с различными вариациями нарратив о гимназисте, прочитавшем и передававшем другу запрещенную книгу (по мысли ораторов, пустяк, не несущий угрозы государству и обществу), который подвергается унижительному допросу и запугиваниям со стороны директора гимназии и жандармов, а затем теряет веру в человека / становится врагом государства / заканчивает жизнь самоубийством вследствие душевной травмы (итог, который, по мысли оратора, потрясает воображение и безусловно связан с действиями властей). Такое несоответствие между преуменьшенной причиной и преувеличенным следствием — распространенный случай паттерна примера.

Гораздо реже использовался такой инструмент воздействия, как сравнение. Ораторы активно сравнивали своих политических оппонентов с детьми, при этом основанием для сопоставления служили капризность ребенка, беспомощность, трусость либо его интеллектуальная незрелость. Использование метафоры ребенка по отношению к агентам дискурса также в большинстве случаев подчеркивало эти качества. Интересно, что в исследуемом материале не было зафиксировано ни одного случая, когда метафора ребенка либо сравнение с детьми имели бы положительные коннотации (гипотетически: моральная чистота, простота, откровенность).

В качестве особого средства воздействия необходимо отметить литоту, которая служила основанием для логической операции доведения до абсурда. *Андрейчук [о законопроекте о вырубке лесов]: Я знаю, господин Марков, что это законопроект о порубке чужих лесов, но мне кажется, что и господин Марков Второй не станет на ту почву, чтобы за цветочек, который ребенку сорвет мать в лесу, сажать в тюрьму...* [ГД 1912: 2740]. Образ ребенка в этих случаях используется в качестве гипотетического прецедента, призванного разрушить аргументацию оппонента. В этом смысле образ ребенка был удобен думским ораторам, так как он обладает имманентными характеристиками литоты: ребенок — преуменьшенный взрослый, его противозаконные поступки наносят преуменьшенный ущерб и наказание за них должно быть

также либо преуменьшенным, либо вообще отсутствовать.

Менее характерным средством воздействия для данного персуазивного комплекса является ирония. В то же время те несколько случаев иронизирования над ребенком и по поводу ребенка, которые встретились в исследованном материале, представляют особый интерес, так как они вызвали бурную реакцию аудитории, что зафиксировано в стенографических отчетах заседаний Думы. Ирония строилась на несоответствии представления о «детском» поведении и статусе ребенка реальному возрасту, физиологии и поступкам тех лиц, кого оппоненты называли детьми.

III. Операциональный уровень персуазивного комплекса представляет собой приемы и способы выражения определенных значений при помощи определенных инструментов в зависимости от темы высказывания, контекста, политической позиции. По сути, это персуазивные техники, которые вырабатывают агенты дискурса, в нашем случае — депутаты и фракции.

Активное функционирование образа-символа ребенка в парламентских речах и разнообразие способов его предъявления в ходе дискуссии свидетельствует о его высоком персуазивном потенциале. Важно заметить, что эти способы коррелировали с политической позицией ораторов и являлись своеобразными маркерами расклада сил в политической дискуссии. Остановимся подробнее на операциональности данного персуазивного комплекса в выступлениях русских националистов в Думе.

Правые депутаты гораздо чаще кадетов и левых эксплуатировали образ-символ ребенка. Согласно нашим подсчетам, на долю русских националистов и членов «Союза 17 октября» приходится 49 % всех словоупотреблений, связанных с детством, зафиксированных в стенографических отчетах (в статистику включены все депутаты, когда-либо входившие в правые фракции, в том числе те, которые сменили фракционную принадлежность).

Националисты, как, впрочем, и все парламентские фракции, чаще всего использовали образ-символ ребенка в негативном интенциональном ключе. Они апеллировали к ребенку/детям, чтобы дискредитировать политических оппонентов и обвинить их в чем-либо. Однако, в отличие от остальных политических сил, правым, в целом поддерживавшим монарха и правительство, приходилось чаще, чем другим, обороняться от нападок, выстраивая коммуникативную стратегию защиты. Кроме того, необходимо учитывать, что правые в Третьей думе состав-

ляли парламентское большинство, следовательно, были ориентированы и на конвенциональные стратегии. Такой расклад был характерен для периода 1907—1912 гг., конкретнее — до «дела Бейлиса». Исследование позволило выявить следующие характерные для русских националистов операциональные паттерны персуазивного комплекса «РЕБЕНОК».

1. Коммуникативная стратегия подчинения как конвенциональная стратегия использовалась националистами в целях принятия Думой законопроектов и запросов. При помощи этой стратегией ораторы пытались убедить, а в некоторых случаях уговорить или даже упрощить парламентариев принять определенное решение. Образ ребенка при этом был призван стать важнейшим эмоциональным доводом, на который трудно возражать. При этом использовались пропозициональные блоки 1.2.2, 1.2.3, 1.3. *Челышов [по вопросу об антиалкогольном законе]: Есть исследования по отдельным школам, есть исследования по отдельным городам, есть цифры по губерниям и отдельным округам. И что же оказывается? Что более 90 % детей крестьян, рабочих, а также интеллигентных классов в возрасте от 7—12 лет пьют водку, мальчики и девочки; больше 60 % напиваются до пьяна. Это ужас, к этому нельзя относиться снисходительно, улыбаться [ГД 1911: 345]* (пропозициональный блок 1.3, пример, статистика). Особый интерес вызывает характерная для националистов практика приведения примера из романов Ф. М. Достоевского. *Челышов [по вопросу об антиалкогольном законе]: Далее в романе Достоевского «Бесы» преступный и умный герой этого романа... революционер Петр Верховенский, искушая и увлекая в свои сети другого героя — Ставрогина — говорит ему, между прочим, следующее: «...Слушайте, я сам видел ребенка лет шести, который вел домой пьяную мать, а та его ругала скверными словами» [ГД 1911: 315]* (пропозициональный блок 1.3, пример, интертекст, художественная литература).

2. Коммуникативная стратегия защиты использовалась русскими националистами в тех случаях, когда оппоненты, в первую очередь депутаты левых фракций, обвиняли строй и монарха в репрессивных действиях по отношению к детям. Важно отметить, что правые силы в Думе не были монолитными, поэтому, например, умеренные октябристы могли сами высказывать подобные обвинения и не участвовать в защите монарха. Радикальные же националисты, например Левашов и Марков, предпочитали не оставлять

без внимания такие выпады. В этих случаях они с трибуны анализировали каждый пример, приведенный оппонентами, и пытались выявить причины негативных последствий, используя пропозициональные блоки 1.2.3, 1.4, 1.5. *Левашов [в ответ на обвинение в репрессиях по отношению к гимназистам]: Так, например, один оратор, как вы помните, очень долго и горько жаловался, что правительство не допускает школьников к проложению новых путей, к открытию новых истин... К сожалению, господа, такое преступное обольщение молодежи встречается у нас очень часто и в литературе, и в жизни... [и это], я должен сказать откровенно, прямо наталкивается на самоубийство. Представьте себе, на самом деле, что ребенку, с одной стороны, услужливые льстецы внушают, что он сын солнца..., а с другой стороны, обнаруживается, ...что его произведение представляет собой только детский лепет, который может внушать лишь сострадание и смех [ГД 1913: 1298—1299]* (пропозициональные блоки 1.4, 11.1, пример).

3. Коммуникативная стратегия дискредитации была ведущей при использовании образа ребенка вплоть до 1912 года. Она подразумевала, с одной стороны, обличение негативных действий политических оппонентов, с другой стороны, понижение их политического статуса при помощи иронии и разоблачения обмана. В ряде случаев такая игра на понижение сопровождалась агрессивным речевым поведением националистов. Основными объектами дискредитации при этом были традиционные актанты дискурса — левые, евреи и поляки. Всем им приписывалось духовное и физическое насилие над ребенком, подстрекательство и использование детей в качестве инструмента политической, национальной и религиозной борьбы, то есть актуализировались пропозициональные блоки 1.4, 1.5, 1.6, 7.2, 10.1.

А. Оппозиция (левые, реже — кадеты) как объект дискредитации рассматривалась в качестве силы, открыто использующей детей как средство в политической борьбе. При этом возрастала роль метафоры. *Савенко: Член Государственной Думы Шингарев закончил патетически свою речь: «Дети, наши дети, — говорил он, — это наше будущее, это наша надежда, это надежда нашего отечества». Да, повторю я его слова, это наше будущее, это наше дорогое, желанное будущее, это надежда наша, и потому мы, родители, не можем допустить, чтобы из наших детей господа представители оппозиции и революции делали пушечное мясо революции (Справа*

рукоплескания и голоса: браво!) [ГД 1913: 1205] (пропозициональный блок 1.4, метафора).

Б. Евреи дискредитировались путем развенчания имплицитного, опосредованного влияния на детей и юношество через произведения искусства, культуру, литературу, науку, педагогику. Большое значение здесь имел анализ конкретных примеров. *Пуришкевич [прения о русском театре]: Еврей поддерживает и современных драматургов, ибо они ему нужны... Вот вам вторая пьеса: «Отметка поведения, или трагедия ученика». Пьеса рисует жизнь учеников-гимназистов, но рисует такими красками, что всякий, увидевши раз пьесу, приходит к заключению, что хороших воспитателей, благодаря известному режиму, вовсе нет, и ребенка в школе только угнетают, не давая ему развиваться, а напротив, убивая в нем живую душу и все хорошие задатки. В конце пьесы один из учеников, не выдержав гнета наставников, лишает себя жизни. Как такая пьеса действует на учащуюся молодежь, предоставляется судить господам членам Государственной Думы [ГД 1911: 2832]* (пропозициональный блок 1.5, пример).

В. Для дискредитации поляков был выработан особый паттерн, использовавшийся несколькими правыми депутатами, которые «специализировались» на противодействии Польскому колу в Думе — Сергеем Алексеевым и священником Константином Околовичем. Именно Алексеев как депутат от русского населения Варшавы и Околович как депутат от Минской губернии владели «фактурой» межнациональных отношений на местах и могли привести конкретные примеры негативных действий поляков против русских и белорусов. Риторика пикировок русских и польских националистов в Государственной думе подробно рассмотрена в статье [Громыко 2020], здесь же нас интересует тот факт, что объектом дискредитации были как непосредственно депутаты-поляки, так и польское католическое духовенство. На примерах обращения поляков с детьми строилось обличение их стремлений к насильственному окатоличиванию православных русских и белорусов и насаждению польского языка вместо родного — пропозициональные блоки 1.6.1, 1.6.2. *Алексеев: Господа, вы теперь в заколдованном круге. Мальчику говорят в костеле: «Милый мальчик, ты должен молиться на польском языке», потому что бедному ребенку, как и его несчастным родителям этого несчастного края, прививается в костеле кощунственная мысль, что будто бы Бог может услы-*

шать молитву только на польском языке, а Божия Матерь именуется Крулевой польской. Ему говорят: «Молись по-польски». Он приходит в школу, его спрашивают: «Ты молишься по-польски?» «По-польски». «Так и учишься по-польски». Вот что означает рекомендация католического архиепископа учиться на природном языке молитвы [ГД 1913: 1392] (пропозициональный блок 1.6.1, обобщенный пример).

Ироническое обращение к образу ребенка характерно только для выступлений лидера русской национальной фракции в Думе Н. Е. Маркова. Реализуя пропозициональный блок 11.1, Марков вскрывал несоответствие образа ребенка-жертвы, который конструировали кадеты и левые (пропозициональные блоки 1.2.1, 1.2.2, 1.8), реальной физиологической и социальной зрелости тех лиц, кого оппоненты называли детьми. Марков: *Затем частные учебные заведения могут быть отдельные для мальчиков, отдельные для девочек, но могут быть и совместные для мальчиков и для девочек вместе. Это относится не только к низшим, не только к средним, но и к высшим учебным заведениям, где мальчики уже имеют бороды, а девочкам уже пора замуж. Вот это, господа, мне тоже представляется не совсем удачным. О совместном обучении мальчиков 25 лет и девочек 18 лет можно быть разного мнения, но наш русский опыт дал отрицательные примеры* [ГД 1912: 1297] (пропозициональный блок 1.11, ирония).

4. Обвинение в принесении сакральной жертвы. Данная коммуникативная стратегия появилась в процессе расследования «дела Бейлиса» и была характерна только для русских националистов. В центре этого обвинения — образ русского православного мальчика Андрея Ющинского, зверски убитого в Киеве 12 марта 1911 г. По мере расследования преступления думские националисты все настойчивее упоминали этот факт, вводя его в повестку дня Думы в определенной интерпретации: убийство рассматривалось как ритуальное, а убийцей задолго до приговора суда был назван Менахем Бейлис, который в глазах правых олицетворял всех евреев. Специализировался на «деле Бейлиса» в Думе один из лидеров русской национальной фракции юрист Георгий Замысловский, речи которого по этому вопросу были глубоки, обстоятельны и отражали юридический подход. К началу 1912 г. наметилась другая линия в использовании образа Андрея Ющинского в выступлениях черносотенцев: он стал проникать во многие речи, тематически не связанные с преступ-

лением, при этом подчеркивался ритуальный характер убийства, а также делался акцент на национальности жертвы и обвиняемого.

В речах сначала Н. Е. Маркова, а затем и других националистов убийство мальчика стало интерпретироваться как некое объявление войны всем русским людям, как событие, оправдывающее агрессивную национальную идеологию, легализующее ее и доказывающее правильность еврейских погромов и поражения евреев в правах. Объектом агрессии при этом стали не только евреи, но и политические силы, которые их поддерживают (кадеты), а также социалисты, поэтому слово «убийца» все чаще употреблялось во множественном числе. Марков [по вопросу о землевладении в Польше]: *Здесь мой предшественник по еврейским недолетам — фамилию, извиняюсь, не успел узнать — говорил, что есть люди, которые любят истязать себе подобных. Я сказал бы, что да, есть такие люди, это вот такие люди, которые нашлись и в городе Киеве, которые истязали мальчика Ющинского (Рукоплескания справа; голос слева: ложь; шум, звонок председательствующего). Есть такие люди, которые любят истязать себе подобных, но есть не только такие, которые любят истязать, но и доводить до смерти (голоса слева: лжец; шум, звонок председательствующего)... Да, господа, возмущайтесь действиями таких людей, которые истязали мальчика Ющинского, но есть такие, которые не только любят истязать, но истязателям служат за деньги, и это еще ужаснее* [ГД 1913: 1574] (пропозициональный блок 3.1, символ).

С 1912 г. наблюдается сакрализация образа Андрея Ющинского. В националистической риторике вырабатывается устойчивая номинация мальчика-жертвы, связанная с православным ликом святости мученика. Поскольку жертва не была канонизирована, ее нельзя было называть мучеником, однако, чтобы подчеркнуть близость Андрея Ющинского к этому лику святости, использовались формулы «умученный», «умученный отрок», «невинно умученный отрок». Марков: *Господа члены Государственной Думы! Вы видите, как киевский процесс вывел из состояния равновесия этих господ, защитников тех, которые умучили невинного отрока Андрюшу Ющинского* [ГД 1914: 1753]... *Я протестую против всего того, что раздавалось с этих скамей слева, и я заявляю, что возмущен этой защитой, защитой тех, кто умучил русского христианского отрока (Шум слева)... Светлая память умученного отрока Андрюши Ющинского!* [ГД 1914: 1755] (пропозициональный блок

3.1, 3.3, символ). Данная формула стала устойчивой в том числе благодаря книгорасследованию Г. Г. Замысловского «Умученные от жидов», которая была издана в 1911 г.

Приведенные примеры, а также другие случаи использования образа Андрея Ющинского показывают, что мальчик-мученик в речах русских националистов приобретает черты символа. С одной стороны, это собирательное страдание всех православных русских от евреев, с другой, — знак необходимости мобилизации русской нации перед лицом не только еврейской, но и внутренней угрозы в целом.

Проведенное исследование показало, что персуазивный комплекс «РЕБЕНОК» был продуктивным в русской парламентской дискуссии начала XX в. Эксплуатация образа-символа ребенка была характерной чертой русской националистической риторики, о чем свидетельствуют количественные и качественные показатели. В целом образ ребенка носил виктимный характер, а физическое и моральное насилие над ребенком было семантической доминантой персуазивного комплекса. На инструментальном уровне образ ребенка использовался чаще всего в качестве специфического примера с характеристиками литоты/гиперболы, реже — как метафора или сравнение. На операциональном уровне образ-символ ребенка использовался для реализации коммуникативных стратегий подчинения, защиты и дискредитации. Однако в конце 1911 — начале 1912 г. в выступлениях русских националистов наблюдается переломный момент: ребенок из примера и метафоры переходит в мобилирующий символ. В речах остается только один ребенок — Андрей Ющинский, образ которого сакрализуется, приобретая черты православного мученика.

ИСТОЧНИКИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

1. ГД 1911 — Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия 4. Ч. 1. Заседания 39—73. — Санкт-Петербург, 1911. — 3722 стлб.
2. ГД 1911а — Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1911 год. Сессия 4. Ч. 3. Заседания 74—113. — Санкт-Петербург, 1911. — 4829 стлб.
3. ГД 1912 — Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912 год. Сессия 5. Ч. 4. Заседания 120—153. — Санкт-Петербург, 1912. — 4280 стлб.
4. ГД 1913 — Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912—1913 год. Сессия 1. Ч. 1. Заседания 1—30. — Санкт-Петербург, 1913. — 2436 стлб.

5. ГД 1914 — Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1912—1913 год. Сессия 2. Ч. 1. Заседания 1—28. — Санкт-Петербург, 1914. — 2094 стлб.

ЛИТЕРАТУРА

6. Аристотель. Риторика / Аристотель. — Текст : непосредственный // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1978. — С. 15—164.
7. Алферов, А. В. О дискурсивном статусе и категориях парламентской коммуникации: подходы к исследованию / А. В. Алферов, Е. Ю. Кустова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2014. — № 3. — С. 24—32.
8. Голоднов, А. В. Лингвопрагматические особенности персуазивной коммуникации (на примере современной немецкоязычной рекламы) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Голоднов А. В. — Санкт-Петербург, 2003. — 23 с. — Текст : непосредственный.
9. Граудина, Л. К. Функционально-смысловые типы парламентской речи / Л. К. Граудина. — Текст : непосредственный // Культура парламентской речи. — Москва : Наука, 1994. — С. 23—34.
10. Громько, С. А. Персуазивный комплекс как единица анализа парламентского дискурса / С. А. Громько. — Текст : непосредственный // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 66—79.
11. Громько, С. А. Русско-польский кросснационалистический дискурс в Государственной думе Российской империи: риторико-прагматический аспект / С. А. Громько. — Текст : непосредственный // Верхневолжский филологический вестник. — 2020. — № 2 (21). — С. 130—139.
12. Дулесов, Е. П. Метафора в парламентском дискурсе (на материале речей российских депутатов начала XX века) : дис. ... канд. филол. наук / Дулесов Е. П. — Ижевск, 2020. — 208 с. — Текст : непосредственный.
13. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Текст : непосредственный // Современный русский язык: социальная и функциональная дифференциация. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — С. 151—240.
14. Парламентский дискурс: социокультурные практики и языковое воплощение : моногр. / Т. А. Ширяева. — Казань : Бук, 2020. — 148 с. — Текст : непосредственный.
15. Правикова, Л. В. Персуазивность как когнитивная стратегия в парламентском дискурсе / Л. В. Правикова. — Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2018. — № 1 (79). — Ч. 2. — С. 359—362.
16. Рюкова, А. Р. Языковые способы реализации персуазивности / А. Р. Рюкова, Е. А. Филимонова. — Текст : непосредственный // Вестник Башкирского университета. — 2016. — Т. 21. — № 2. — С. 431—435.
17. Рябова, Т. Б. Образы детства и детей в символической политике / Т. Б. Рябова, О. В. Рябов // Политэкс. — 2019. — Т. 15. — № 3. — С. 417—433.
18. Хазагеров, Г. Г. Политическая риторика / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Никколо-Медиа, 2002. — 313 с. — Текст : непосредственный.
19. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — Москва : Флинта : Наука, 2006. — 256 с. — Текст : непосредственный.
20. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — Текст : непосредственный.
21. Dijk, T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. v. Dijk. — Mouton, 1981. — 285 p. — Text : unmediated.
22. Perelman, C. The new rhetoric: A treatise on argumentation / C. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. — 340 p. — Text : unmediated.

S. A. Gromyko

Vologda State University, Vologda, Russia

ORCID ID: 0000-0002-4256-9815

 E-mail: ling2007@yandex.ru.

“Child’s Tears” in the Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse (based on the speeches by Russian Nationalists)

ABSTRACT. *The article analyzes the use of a child's image-symbol in the Russian parliamentary communication of the early twentieth century (based on the transcripts of the meetings of the Third and Fourth State Duma). The article suggests an original method of analyzing the functioning of this image-symbol in the aspect of persuasiveness. The author introduces the concept of a persuasive complex (a set of tools and methods of realization of persuasiveness formed in a single discourse and united by a semantic unit – an image or a symbol) and describes its three-level structure. As evidenced by quantitative and qualitative indicators, the use of the child's image-symbol was a characteristic feature of Russian nationalist rhetoric. In general, the image of the child was victimized, and physical and moral violence against the child was the semantic dominant of the persuasive complex. At the instrumental level, the image of the child was most often used as an example displaying the typical features of litota / hyperbole, less often as a metaphor or comparison. At the operational level, the image-symbol of the child was used to implement communicative strategies of submission, protection and discredit. However, in late 1911–early 1912, a turning point was observed in the speeches of Russian nationalists: the child turns from an example and metaphor into a mobilizing symbol. In the speeches, only one child remains – Andrei Yushchinsky, whose image is sacralized, acquiring the features of an Orthodox martyr. The author draws a conclusion about the richness and dynamism of the persuasive complex “CHILD” in the institutional nationalist discourse of the early twentieth century.*

KEYWORDS: *persuasiveness; persuasive complex; Russian nationalism; child; images-symbols; parliamentary rhetoric; parliamentarism; parliamentary discourse; Russian language.*

AUTHOR’S INFORMATION: *Gromyko Sergey Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the Russian Language, Journalism and Communication Theory, Vologda State University, Vologda, Russia.*

FOR CITATION: *Gromyko, S. A. “Child’s Tears” in the Early 20th Century Russian Parliamentary Discourse (based on the speeches by Russian Nationalists) / S. A. Gromyko // Political Linguistics. — 2021. — No 3 (87). — P. 145-155. — DOI 10.26170/1999-2629_2021_03_14.*

ACKNOWLEDGMENTS. *The study has been accomplished with financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project No 20-012-00111 “Russian Nationalism in the Light of the Linguo-Legal Approach: Pragmatics, Dynamics, Expertise”.*

MATERIALS

1. GD 1911 — State Duma. Verbatim records. 1911 year. Session 4. Part 1. Sessions 39-73. — St. Petersburg, 1911. — 3722 columns. [Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. 1911 god. Sessiya 4. Ch. 1. Zasedaniya 39—73. — Sankt-Peterburg, 1911. — 3722 stlb.]. — (In Rus.)

2. GD 1911a — State Duma. Verbatim records. 1911 year. Session 4. Part 3. Sessions 74-113. — St. Petersburg, 1911. — 4829 columns. [Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. 1911 god. Sessiya 4. Ch. 3. Zasedaniya 74—113. — Sankt-Peterburg, 1911. — 4829 stlb.]. — (In Rus.)

3. GD 1912 — State Duma. Verbatim records. 1912 year. Session 5. Part 4. Sessions 120-153. — St. Petersburg, 1912. — 4280 columns. [Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. 1912 god. Sessiya 5. Ch. 4. Zasedaniya 120—153. — Sankt-Peterburg, 1912. — 4280 stlb.]. — (In Rus.)

4. GD 1913 — State Duma. Verbatim records. 1912-1913 year. Session 1. Part 1. Sessions 1-30. — St. Petersburg, 1913. — 2436 columns. [Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. 1912—1913 god. Sessiya 1. Ch. 1. Zasedaniya 1—30. — Sankt-Peterburg, 1913. — 2436 stlb.]. — (In Rus.)

5. GD 1914 — State Duma. Verbatim records. 1912-1913 year. Session 2. Part 1. Sessions 1-28. — St. Petersburg, 1914. — 2094 columns. [Gosudarstvennaya Duma. Stenograficheskie otchety. 1912—1913 god. Sessiya 2. Ch. 1. Zasedaniya 1—28. — Sankt-Peterburg, 1914. — 2094 stlb.]. — (In Rus.)

REFERENCES

6. Aristotle. *Rhetoric* / Aristotle. — Text : unmediated // *Antique Rhetoric* / ed. A. A. Takho-Godi. — Moscow : Publishing house of Moscow University, 1978. — P. 15—164. [Ritorika / Aristotel'. — Tekst : neposredstvennyy // Antichnye ritoriki / pod red. A. A. Takho-Godi. — Moskva : Izd-vo Mosk. un-ta, 1978. — S. 15—164]. — (In Rus.)

7. Alferov, A. V. On the Discursive Status and Categories of Parliamentary Communication: approaches to research /

A. V. Alferov, E. Yu. Kustova. — Text : unmediated // *Political Linguistics*. — 2014. — No. 3. — P. 24—32. [O diskursivnom statuse i kategoriyakh parlamentskoy kommunikatsii: podkhody k issledovaniyu / A. V. Alferov, E. Yu. Kustova. — Tekst : neposredstvennyy // Politicheskaya lingvistika. — 2014. — № 3. — S. 24—32]. — (In Rus.)

8. Golodnov, A. V. *Linguopragmatic Features of Persuasive Communication (on the example of modern German-language advertising) : synopsis of thesis ... of Cand. of Philol. Sciences* / Golodnov A. V. — St. Petersburg, 2003. — 23 p. — Text : unmediated. [Lingvopragmaticheskie osobennosti persuazivnoy kommunikatsii (na primere sovremennoy nemetskoyazychnoy reklamy) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk / Golodnov A. V. — Sankt-Peterburg, 2003. — 23 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

9. Graudina, L. K. *Functional-semantic Types of Parliamentary Speech* / L. K. Graudina. — Text : unmediated // *Culture of Parliamentary Speech*. — Moscow : Science, 1994. — P. 23—34. [Funktsional'no-smyslovye tipy parlamentskoy rechi / L. K. Graudina. — Tekst : neposredstvennyy // Kul'tura parlamentskoy rechi. — Moskva : Nauka, 1994. — S. 23—34]. — (In Rus.)

10. Gromyko, S. A. *Persuasive Complex as a Unit of Parliamentary Discourse Analysis* / S. A. Gromyko. — Text : unmediated // *Scientific Dialogue*. — 2021. — No. 4. — P. 66—79. [Persuazivnyy kompleks kak edinitsa analiza parlamentskogo diskursa / S. A. Gromyko. — Tekst : neposredstvennyy // Nauchnyy dialog. — 2021. — № 4. — S. 66—79]. — (In Rus.)

11. Gromyko, S. A. *Russian-Polish Cross-nationalist Discourse in the State Duma of the Russian Empire: rhetorical and pragmatic aspect* / S. A. Gromyko. — Text : unmediated // *Verkhnevolzhsk Philological Bulletin*. — 2020. — No. 2 (21). — P. 130—139. [Russko-pol'skiy krossnatsionalisticheskii diskurs v Gosudarstvennoy dume Rossiyskoy imperii: ritoriko-pragmaticheskiy aspekt / S. A. Gromyko. — Tekst : neposredstvennyy //

Verkhnevolzhskiy filologicheskii vestnik. — 2020. — № 2 (21). — S. 130–139]. — (In Rus.)

12. Dulesov, E. P. Metaphor in Parliamentary Discourse (based on the speeches of Russian deputies of the early twentieth century) : thesis ... of Cand. of Philol. Sciences / Dulesov E. P. — Izhevsk, 2020. — 208 p. — Text : unmediated. [Metafora v parlamentskom diskurse (na materiale rechey rossiyskikh deputatov nachala KhKh veka) : dis. ... kand. filol. nauk / Dulesov E. P. — Izhevsk, 2020. — 208 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

13. Kitaygorodskaya, M. V. Modern Political Communication / M. V. Kitaygorodskaya, N. N. Rozanova. — Text : unmediated // Modern Russian Language: Social and Functional Differentiation. — Moscow : Languages of Slavic Culture, 2003. — P. 151–240. [Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya / M. V. Kitaygorodskaya, N. N. Rozanova. — Tekst : neposredstvennyy // Sovremennyy russkiy yazyk: sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsiya. — Moskva : Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. — S. 151–240]. — (In Rus.)

14. Parliamentary Discourse: Socio-cultural Practices and Linguistic Embodiment : monograph / T. A. Shiryaeva. — Kazan : Buk, 2020. — 148 p. — Text : unmediated. [Parlamentskiy diskurs: sotsiokul'turnye praktiki i yazykovoe voploshchenie : monogr. / T. A. Shiryaeva. — Kazan' : Buk, 2020. — 148 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

15. Pravikova, L. V. Persuasiveness as a Cognitive Strategy in Parliamentary Discourse / L. V. Pravikova. — Text : unmediated // Philological Sciences. Questions of theory and practice. — Tambov : Diploma, 2018. — No. 1 (79). — Part 2. — P. 359–362. [Persuazivnost' kak kognitivnaya strategiya v parlamentskom diskurse / L. V. Pravikova. — Tekst : neposredstvennyy // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. — Tambov : Gramota, 2018. — № 1 (79). — Ch. 2. — S. 359–362]. — (In Rus.)

16. Ryukova, A. R. Language Ways of Implementing Persuasiveness / A. R. Ryukova, E. A. Filimonova. — Text : unmediated // Bulletin of the Bashkir University. — 2016. — Vol. 21. — No. 2. — P. 431–435. [Yazykovye sposoby realizatsii persuazivnosti / A. R. Ryukova, E. A. Filimonova. — Tekst : neposredstvennyy // Vestnik Bashkirskogo universiteta. — 2016. — T. 21. — № 2. — S. 431–435]. — (In Rus.)

17. Ryabova, T. B. Images of Childhood and Children in Symbolic Politics / T. B. Ryabova, O. V. Ryabov // Politex. — 2019. — Vol. 15. — No. 3. — P. 417–433. [Obrazy detstva i detey v simvolicheskoy politike / T. B. Ryabova, O. V. Ryabov // Politex. — 2019. — T. 15. — № 3. — S. 417–433]. — (In Rus.)

18. Khazagerov, G. G. Political Rhetoric / G. G. Khazagerov. — Moscow : Nikkolo-Media, 2002. — 313 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya ritorika / G. G. Khazagerov. — Moskva : Nikkolo-Media, 2002. — 313 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

19. Chudinov, A. P. Political Linguistics / A. P. Chudinov. — Moscow : Flinta : Science, 2006. — 256 p. — Text : unmediated. [Politicheskaya lingvistika / A. P. Chudinov. — Moskva : Flinta : Nauka, 2006. — 256 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

20. Sheygal, E. I. Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. — Moscow : Gnosis, 2004. — 326 p. — Text : unmediated. [Semiotika politicheskogo diskursa / E. I. Sheygal. — Moskva : Gnosis, 2004. — 326 s. — Tekst : neposredstvennyy]. — (In Rus.)

21. Dijk, T. A. v. Studies in the pragmatics of discourse / T. A. v. Dijk. — Mouton, 1981. — 285 p. — Text : unmediated.

22. Perelman, C. The new rhetoric: A treatise on argumentation / C. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. — Notre Dame : University of Notre Dame Press, 1969. — 340 p. — Text : unmediated.